

рубрика «Юридический дискурс». Ее представляют доктора юридических наук, наши постоянные авторы В.Н. Руденко и М.Ф. Казанцев. В фокусе их внимания такие юридические феномены как дискурс суда и договора.

Не ошибусь, если скажу, что многие читатели альманаха давно и заслуженно полюбили рубрику «Афористикон». В этот раз нас снова приглашают на пиршество ума известные философы-афористы М.А. Малышев и А.А. Коряковцев. Размышляя над афоризмами вместе с авторами, удивляешься, казалось бы, очевидному: «А народ-то – голый!».

Надеемся, что любознательный читатель зацепится глазом за статьи, посвященные таким социокультурным новообразованиям, как глэм-культура, этичный маркетинг, о которых идет речь в статьях О.Ф. Русаковой и А.Ю. Смирновой. Любители же «игры в бисер» наверняка получат удовлетворение от смакования логических процедур модального дискурс-анализа, которые приготовил «шеф-повар» одноименной рубрики профессор В.О. Лобовиков.

Желаю всем хорошего интеллектуального аппетита.

ДИСКУРС ИРОНИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

А.В. Александрова

Александрова А. В.

Уральский государственный университет
им. Горького,
г. Екатеринбург

Ирония превращает то, что для человека непереносимо, враждебно и тревожно в противоположное, затеявая своего рода игру слов и действий, обозначаемых этими словами (Философские идеи Людвига Витгенштейна. - М., 1996. - 169 с., ИФРАН, 1996).

Коммуникативные практики отражают способ восприятия актуальной реальности и ее артикуляции, формируют стереотип реагирования на происходящее вокруг нас и соответствующую им модель поведения. Сегодня, феномен повседневных коммуникаций в отношениях людей породил вербально артикулированную форму содержания сознания – дискурс иронии.

Ирония, начинает доминировать в современном социокультурном пространстве, создав модель взаимодействия в форме гипертрофированного нарратива юмора и стеба. В диалогах (вопросах, ответах, адресованных собеседнику или целой аудитории) все чаще фигурирует,

проговаривается ироничный, шутливый нарратив, облекающий в насмешливые формы скрываемую истину или приоткрывая ее.

Возникает вопрос, почему в постмодернистском обществе актуализировалась такая коммуникативная модель взаимодействия, которая сегодня стала нормой и транслируется в повседневной культуре (СМИ, особенно структура эфира таких телеканалов как ТНТ, СТС), практики повседневного взаимодействия (Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. - Том I, 1998. - № 2.).

Если мы посмотрим на то, что и как мы говорим в повседневных практиках, то обнаружим, что социокультурное пространство общества, в котором мы живем, представляет собой семантическое поле с множеством контекстов, в котором существует дискурс иронии и самоиронии как текст, как его вербализованное значение и его интерпретация (Умберто Эко «Отсутствующая структура. Введение в семиологию». М., Симпозиум, 2006 г.). Контекст проговаривания и говорения включает в себя объективированное выражение нашего сознания (Постмодернизм: Энциклопедия / Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. - 1040 с. - (Мир энциклопедий, см. дискурс) в тексте, коммуникации, и аксиологические системы говорящего и создающего ироничный текст, а так же его культурный опыт

и культурные коды. (Постмодернизм: Энциклопедия / Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. - 1040 с).

Вернемся сначала к самой иронии и историческому и социальному контексту ее существования, возвращаясь в современный социокультурный контекст. Именно античная ирония дала рождение европейской иронической традиции нового времени, получившей особое развитие, начиная с последней трети XIX века. Ирония, как средство комической подачи материала, строится на противопоставлении буквального смысла слов и высказываний их истинному значению. Моделью иронического стиля является структурно-экспрессивный принцип различных речевых приёмов, помогающих придавать содержанию своим скрытым контекстом ().

«Eiron» (греч) означает «говоря», «говорить». (Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом. 2003.- 1280 с). Фигура иронии семантически неоднозначна: с одной стороны, она – высмеивание и в этом отношении профанация некой реальности, основанная на сомнении в ее истинности или даже предполагающей неистинность этой реальности. А с другой же – проба этой реальности на прочность, оставляющая надежду на ее возможность или – при уверенности в обратном – основанная на сожалении об отсутствии таковой – например, «горькая ирония».

Итак, в античные времена ирония имела следующие значения:

1. Ирония обман и пустословие (Платон), выражает полную противоположность тому, что не выражается.
2. Насмешка, ирония - вопрошания (Сократ), в процессе которого собеседнику открывается истина.
3. «Хвастовство - истина - ирония» (Аристотель). Притворство в сторону преувеличения, хвастовства, а так же пренебрежительное отношение к людям.
4. «Характерах»: ирония – это «сокрытие собственной враждебности, игнорирование враждебных намерений противника, успокаивающее воздействие на обиженного, отстранение назойливости (или доведение до его сознания собственной назойливости), утаивание собственных поступков» (Геофраст).

Ирония в постмодернистском социокультурном контексте, открывающего множественность реальностей (Социологическое обозрение. Альфред Шюц «О множественности реальностей», Том 3, №2, 2003), проявляется как бесконечное означивание нарративом иронией разговорных контекстов и форм его предметов.

По мнению Ильи Коляжного, характерные особенности российского литературного постмодернизма – «глумливое отношение к своему прошлому», «стремление дойти в своем доморощенном цинизме и самоуничижении до крайности, до последнего предела». По словам того же автора, «смысл их (т.е. постмодернистов) творчества обычно сводится к «приколу» и «стебу», а в качестве литературных приемов – «спецэффектов» ими используются ненормативная лексика и откровенное описание психопатологий...».

«Глумление и стеб», проговариваемые в тексте коммуникации актуализируются в текущей ситуации, которая проговаривается дискурсом иронии здесь и сейчас, наталкивает на мысль о завуалированном послании и обыгрывает любую ситуацию или феномен в форме иронии или самоиронии, акцентируя внимание на иронии сексуальности и жизненных трудностей. Часто дискурс иронии выступает в форме коннотативной оговорки, типа «Врачи боролись за его жизнь, но он выжил» (Михаил Жванецкий).

Таким, образом, мы можем говорить в свете вышесказанного контекста гипертрофированности иронии, о ее функциональном значении. Так, ирония позволяет заниматься самооправданием, возвеличивать, приуменьшать, относиться с пренебрежением, скрывать истинность значения действительного, высмеивать недостатки и нерадивость (принижать значимость субъекта или объекта в некоторых контекстах), а так же и использовать иронию как защитный механизм (можно сослаться на Томаса Манна, что «ирония – главный фермент переваривания действительности»).

Фигурально выражаясь, социокультурного взаимодействия, акторы проговаривают текст во множестве контекстов, позволяя циркулировать дискурсу иронии и самоиронии в тексте между субъектом и субъектом, субъектом и объектом на уровнях повседневного взаимодей-

тивия, институционального и в поле широкого медийного пространства.

Ирония к предмету или субъекту своего рода свидетельство преодолеваемой зависимости от этого предмета или субъекта. Предмет, субъект – другой или я сам, находясь в семантическом поле жизненного пространства, структурирует это пространство, выстраивая зависимости и нарратив связей.

Через иронию или самоиронию, стеб ста-

новится очевидна возможность преодоления зависимости от предмета или субъекта. Таким, образом, нарратив дискурса иронии с современной социокультурной реальностью через коммуникативные практики – это форма ухода от зависимости, некая ступень или степень свободы от того, что «навязывается», долженствует над нами, тревожит нас, находится в поле постоянного контроля.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Л.М. Андрюхина

Андрюхина
Людмила Михайловна

доктор философских наук,
профессор Уральского
Гуманитарного Института,
ученый секретарь УрО РАН

Еще в конце XIX века русский философ А.И. Введенский писал «об общем законе развития философии любого европейского народа». Таким законом он считал, если выразить его мысли на современном языке, открытость философии и взаимовлияние философских учений различных стран. «Чуткость к чужим учениям – наилучший залог успешного развития философии» (Введенский А.И. Судьбы философии в России. М., 1898, с.4-5).

Для развития российской философии именно сегодня, на наш взгляд, важна не только глубинная внутренняя саморефлексия по поводу поиска своего своеобразия в открывшемся для России, вследствие социальных перемен, пространстве европейской и мировой философской мысли, но и повседневная забота о том, чтобы преодолевать, часто искусственно возводимые, барьеры, а также сохраняющиеся и воспроизводящиеся стереотипы восприятия себя и других. Эта задача разрешима только в реальном межкультурном диалоге. Реальный диалог, реальная межкультурная коммуникация в европейском и мировом пространстве долж-

ны прийти на смену периоду «работы внутри текстов» и стать для российской философии главным приоритетом.

Открытость философии приобретает новые смыслы. Это уже не только открытость как доступность и свободная миграция текстов, но это открытость как готовность к диалогу, как чуткость в восприятии иного, как умение слушать и слышать, как взаимопонимание и отклик, как сотрудничество и сотворчество.

Именно поэтому особое значение приобретают самые различные формы международного взаимодействия (проекты, программы, конференции, встречи, неформальные контакты и сообщества). Они значимы, прежде всего, как формы реального диалога, совместной философской работы, но могут быть и предметом дискурсивного анализа с целью выявления тех точек взаимного интереса, из которых как из, своего рода, «средоточий жизни» могут высветиться перспективы философского развития.

Именно в этом контексте хотелось бы обратиться к двум значимым событиям философского дискурса. Это две, прошедшие во Франции в г. Бордо конференции, посвященные русским философам:

«Густав Шпет и его наследие. У русских истоков структурализма и семиотики». Бордо, 21-22-23-24 ноября 2007 года, при поддержке журнала «Вопросы философии»;

«Творчество А.Ф. Лосева в контексте европейской культуры. Плавильный тигель влияний и интериоризация границ», посвященной 115-